

★
СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

А. СМОЛИН

СЛЕДОВАЯ ПОЛОСА

Annotation

Автор брошюры — прапорщик А. Смолин известен в погранвойсках как опытный следопыт. Правдиво и убедительно рассказывает он о службе, о своей специальности инструктора службы собак.

Брошюра ветерана границы рассчитана в первую очередь на юношей, готовящихся к службе в армии.

Прапорщик А. Смолин

Следовая полоса

(Литературная запись Валентины Яковлевны
Голанд)

Вместо предисловия

Ратный труд пограничника считаю одним из самых привлекательных и самых ответственных. И в мирные дни пограничник, как на фронте, всегда напряжен, подтянут, готов встретить врага, защитить свою страну от непрошенных гостей.

А на это способен человек, горячо любящий свою Родину, проникшийся сознанием личной ответственности за ее безопасность и мастерски владеющий искусством службы на границе.

В любой обстановке, в самой сложной ситуации пограничник должен выполнить и выполняет поставленные перед ним задачи. Вот почему в наших войсках служат выносливые, смелые и бесстрашные солдаты, умеющие «видеть все, когда тебя никто не видит», способные «расшифровать» любой след, вынести многокилометровое преследование нарушителя, оперативно принять единственно верное решение и победить.

Конечно, приходит это к воину не сразу. Но если юноша поставил перед собой такую благородную цель и упорно будет идти к ней, то наверняка добьется успеха.

Я специалист службы собак, поэтому не могу не сказать о том, что, несмотря на оснащенность пограничных войск современной техникой, роль служебной собаки, а значит, вожатого или инструктора службы собак, по-прежнему велика.

Известно, что собака различает до двух миллионов запахов. На наших пограничных заставах есть собаки, которые берут след многочасовой давности. В статье, которую мне однажды дали прочитать, была изложена попытка инженера по электронной технике смоделировать собаку на микроскопических полупроводниках. При подсчете оказалось, что размеры и вес такой «электронной собаки» будут равны среднему танку.

Так что служебную собаку пока еще нечем заменить на границе. И сегодня она остается нашим верным другом и помощником!

Немало четвероногих дозорных подготовлено в клубах юных собаководов и в клубах служебного собаководства ДОСААФ, они несут сейчас службу на границе. Хотелось бы воспользоваться случаем и поблагодарить всех тех, кто вырастил и отдал границе своих питомцев.

А если кто-нибудь из читателей-ребят захочет овладеть мастерством вожатого и пойти с собакой служить на границу — идите в специальные школы!

В наших пограничных войсках есть такие замечательные школы. Юноши, призванные в армию, проходят там всестороннюю подготовку и потом служат на пограничных заставах. Уверю, не пожалеете.

Немного биографии

Родился я в замечательных пушкинских местах — в селе Большое Болдино Горьковской области. С детства любил лес, охоту. Наверное, эта любовь к природе, приобретенная сызмальства наблюдательность и помогли мне в моем следопытском ремесле.

В семье было четверо ребят, я — старший. Летом 1942 года, в самый разгар войны, мне, восемнадцатилетнему парню, пришла повестка из военкомата. В те времена с опаской относились ко всем «казенным» бумагам. Запричитала и моя мать, когда ей вручили бумагу с печатью:

— Касатик ты мой, дитяtko родимое... Как-то ты такой слабенький будешь там, на войне. Будь проклят этот ирод косо́й Гитлер...

А «касатик» стоял, пытаюсь сохранить хладнокровие, и читал повестку, где говорилось, что нужно явиться на призывной пункт. Иметь при себе ложку, кружку. Почему-то особенно врезалась в память эта «ложка и кружка».

Попал я в 300-й стрелковый полк НКВД. Там впервые надел форму, взглянул на себя строгими глазами. Но сменить одежду — не значит стать солдатом. Надо было овладеть азами военной науки, пройти курс молодого бойца.

Мы изучали устройство оружия, зубрили уставы, закалялись физически и старались беспрекословно выполнять распорядок дня.

Каждый из нас стремился овладеть военными знаниями как можно быстрее: шла война, и мы все рвались на фронт.

Я научился ползать по-пластунски, окапываться, стрелять. Всего, чему научился, не перечислить. Вскоре прибыл я в свой 300-й полк — солдатом. Пусть еще не обстрелянным, но уже настоящим солдатом.

В то время полк оборонял Воронеж. Около месяца мы защищали этот старинный русский город от врага, затем полк расформировали, и я попал в 90-й пограничный — по охране тылов действующей армии.

Основной нашей задачей была борьба с диверсантами, шпионами. Помню, нам приходилось разыскивать диверсантов, переодетых в форму красноармейцев, Найти их в огромной массе народа было нелегко.

Однажды стояли мы с бойцом Осадчуком у шлагбаума, проверяли документы. Гляжу — идет раненый с перевязанной рукой.

— Ваши документы?

— Нет документов, потерял, иду вот после ранения в медсанбат.

Вижу, подозрительно ведет себя «раненый», глаза блуждают, на лице — испуг. Мы его задержали и доставили на заставу.

Выяснилось, что никакого ранения у него нет. Этот диверсант был сброшен с самолета на нашу территорию вместе с восьмерыми такими же «ранеными». Через некоторое время он заговорил охотнее, даже указал место приземления и направление движения их группы. Начальник заставы принял необходимые меры, и все враги вскоре были задержаны.

В 1943 году, когда наша армия продолжала зимнее наступление, я был направлен на сборы снайперов. Вот где я понял, что меткий стрелок — хозяин боя!

Выехали мы на стажировку в один из районов Степного фронта.

Вышел я в первую свою снайперскую засаду. Темень, рассвет еле брезжит. Прополз с другом заминированную лощину, подбитый вражеский танк, замаскировались у полоски «ничейной» земли, стали вести наблюдение за противником.

Лежу, не шелохнусь. Нелегко пролежать день-деньской, не шевелясь, не выдавая себя, охотясь за фашистами! Затекают ноги, руки, все тело колет, словно иглами, а ты знай терпи.

Холодно, ветер завывает, нет-нет да взовьется ракета. С немецкой стороны доносятся изредка команды, звон металла. И снова тишина. Сколько тут еще лежать? Время тянется томительно.

Но вот над лесом закурилась сиреневая дымка, рассвело. В немецких окопах будто все вымерло. «Неужели так и уйду ни с чем?». И только так подумал, гляжу — идет фашист. Поймал его на мушку.

Выстрел был метким...

Лежу снова. Жду. Часов в двенадцать офицер появился, погоны на солнце блестят, весь ремнями перетянут, жестикулирует. Рядом три солдата.

Несмотря на предупреждение командира «Не увлекайтесь!» — выстрелил. Офицер упал, остальные разбежались.

И тут фашисты открыли по нашей обороне артиллерийско-минометный огонь, но позиций наших им все-таки не удалось засечь. За два дня снайперской охоты я убил шесть гитлеровцев. Счет был открыт.

Наши войска продолжали теснить врага. Степной фронт перешел в наступление и освободил Воронеж. Когда я вернулся на заставу, — а в то время это был либо блиндаж, либо сельская изба, — инструктор службы собак получил ранение, его отправили в госпиталь, а собака его, Ираком звали, осталась. Она никого не подпускала к себе. Мне предстояло приручить ее и нести о ней службу.

Это была долгая, кропотливая и настойчивая работа. Пожалуй, трудности заключались во мне: собака прошла курс общей дрессировки, несла сторожевую службу, я же не имел никакого представления о собаководстве.

Стал я понемножку приручать Ирака. Сначала пес не подпускал меня — очень скучал по старому своему хозяину. Бывало, принесу ему еду — он не подходит к миске, а я зачастую даже от своего пайка отрывал, чтобы расположить его как-то к себе.

В конце концов мне удалось установить с Ираком хороший контакт.

Вспоминается наше первое с ним боевое крещение.

Отделение красноармейцев, в которое входили и мы с Ираком, конвоировало с передовой 400 пленных. Остановились на ночлег. Человек пятнадцать пленных во главе с генералом незаметно от всех стали пробираться к лесу, а темно, ни зги не видно. Кто-то из пограничников заметил эту удаляющуюся группу и крикнул: «Давай сюда собаку! Уходят, гады!».

Я пустил Ирака по следу и метров через пятьсот наряд настиг беглецов.

С тех пор я более тридцати лет не расстаюсь со служебными собаками.

Эта работа стала делом всей моей жизни.

Я не представляю пограничную службу без умной, выдержанной, хорошо обученной собаки. Она своевременно известит о приближении нарушителя, десятки километров пробежит по невидимым запаховым следам, бесстрашно вступит в борьбу по первому сигналу инструктора, выручит в схватке с врагом.

Учились не только по учебникам

За все время службы на границе у меня было три собаки: Ирак, Джек и Аргон. С каждой связан определенный период в службе, определенные боевые операции.

Ирак хорошо проявил себя при охране тылов действующей армии, в поиске шпионов и диверсантов. К сожалению, служба с ним была недолгой. 5 июня 1943 года на Курско-Белгородском направлении под селом Малиновка меня ранило. Отправили в госпиталь, а Ирак остался на заставе.

После госпиталя я не попал в свою часть, а охранял тылы действующей армии под Волховом. Вот где пригодился опыт поимки диверсантов! Кого только не вылавливали мы в непроходимых чащобах! И вражеских лазутчиков, и гитлеровцев, пытавшихся вырваться из окружения! Но самым ответственным для меня делом в ту пору была служба в лыжном батальоне, который доставлял на Ленинградский фронт бойцам передовой линии боеприпасы и питание. Бывало, тащим и станковые пулеметы, и продукты, да норовишь побольше взять — ведь люди истощены до крайности, а им воевать надо... Откуда только силы брались? Наверное, от ненависти к фашистам.

Потом очень пригодилось мне в пограничных войсках это умение выкладываться и при преследовании нарушителя, и при выполнении других заданий командования. Думал: раз поручено мне — умру, а сделаю!

В самом конце лета 1944 года пришел приказ отобрать несколько обстрелянных пограничников на выполнение особого задания. Включили в этот список и меня. А через несколько дней мы были уже в Харькове.

К тому времени Красная Армия освободила нашу западную территорию, и нам пришлось восстанавливать границу: строить заново пограничные заставы, прокладывать контрольно-следовые полосы, устанавливать пограничные столбы.

Тяжеловато приходилось, не было никакой техники — одна повозка и только. Ни кухни — пищу готовили в котле под деревом, ни бани, а если удастся нагреть в железной бочке горячей воды да, зачерпнув ведерочко, помыться в каком-нибудь сарайчике — совсем хорошо.

Когда мне приходится сейчас выступать перед молодежью, пришедшей в пограничные войска и пользующейся всеми теперешними благами общества: и светлыми уютными спальными помещениями, и классами для занятий, и гостеприимными столовыми — в общем, всем тем, к чему они так привыкли дома, — я всегда рассказываю о своей молодости и о том, как нам приходилось начинать службу. Конечно, и сравнить нельзя тогдашние условия с теми, что есть сейчас на наших пограничных заставах.

И оперативная обстановка на нашем участке тогда была сложной.

В районе действовали недобитые фашистские молодчики и украинские националисты. Несколько раз в сутки поднимались по тревоге. Мы не только охраняли границу, но и очищали населенные пункты и лесные массивы от бандитов и их пособников. Если поспишь 7–8 часов в сутки — считай получил выходной, потому что обычно спали по 3–4 часа.

...Однажды на заставу пришла женщина и сказала, что еще в 1941 году, когда пограничники с боями отходили от границы, один раненый боец оставил у нее служебную собаку, тоже раненую, и просил сохранить пса. Он заверял, что вернется за собакой, но прошло уже много времени, боец так и не появился, может, убили, а может, еще что, но только женщина очень хотела вернуть пса пограничникам.

«А что, если пес и в самом деле ценный, и может помочь ловить бандитов!» — подумал я.

Начальник службы собак отряда лейтенант Николаев объявил:

— Кто хочет быть инструктором службы собак?

Я вспомнил Ирака, вспомнил, как мы ловили с ним диверсантов, как он выручал меня, и решительно сказал Николаеву:

— Я хочу.

Собаку, которую привела женщина, звали Джеком. За годы, проведенные в селе, Джек утратил все качества служебной собаки, условные рефлексы угасли, он только бурно радовался людям в пограничной форме. Жалобно скулил, беспокойно оглядывался, надеясь, очевидно, увидеть хозяина. Обнюхал всех, побывал на конюшне, в каптерке.

— Что, не нашел? — сочувственно спросил я его.

Джек поднял на меня тоскующие глаза и чуть заметно вильнул хвостом.

Я потрепал его по загривку, ласково сказал:

— Пойдем, устрою тебя.

Вскоре меня с Джеком направили на двухмесячные курсы инструкторов службы собак.

Я изучал там анатомию и физиологию собаки, общую и специальную дрессировку. Большое внимание уделялось следопытству, распознаванию ухищренных следов. Считаю, что главную закалку я как следопыт получил на этих курсах.

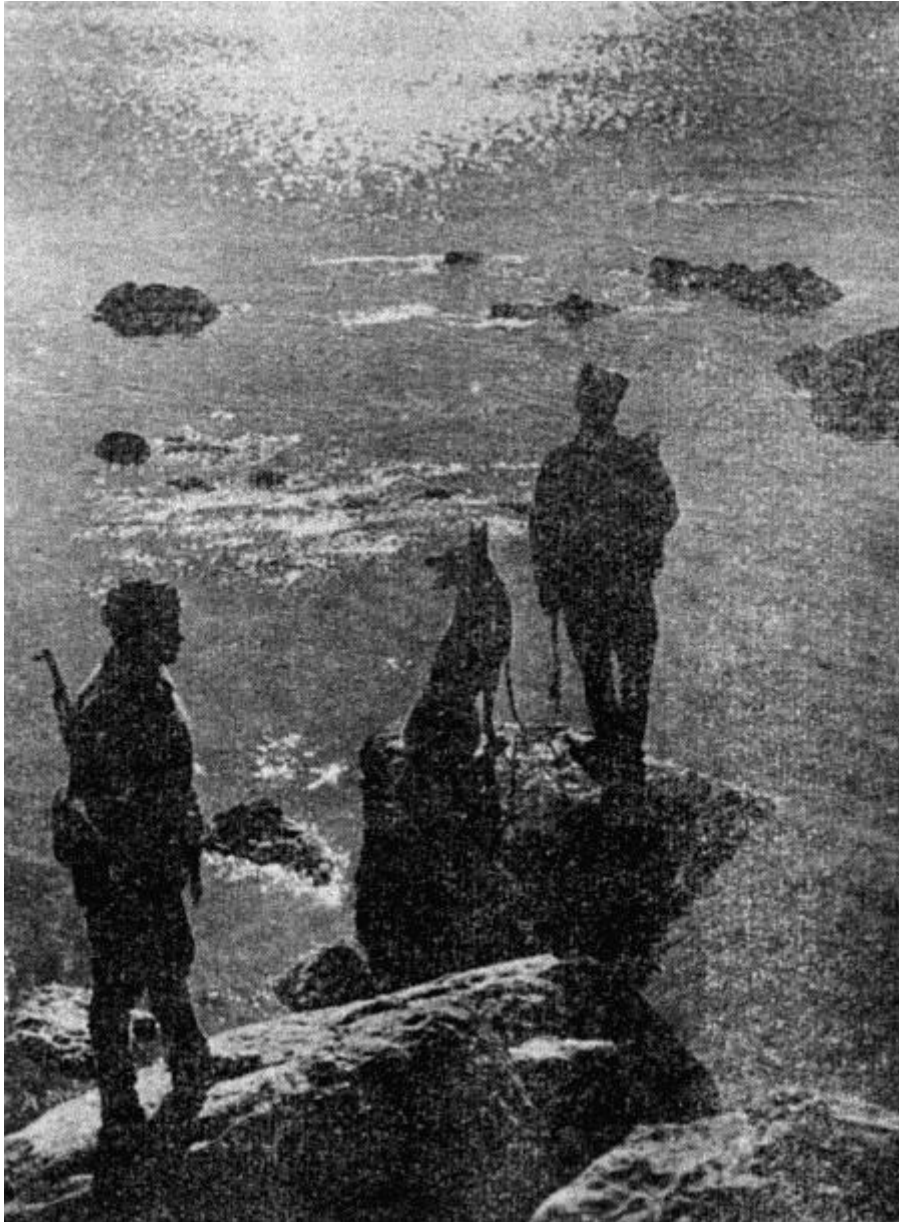
Занятия вел все тот же лейтенант Николаев — человек всесторонне подготовленный, бывалый пограничник. Все, что он знал по следопытству и собаководству, передавал нам.

Прежде всего мы обращали внимание на развитие у собаки тех навыков, которые нужны в службе на данном участке, при определенных географических и климатических условиях. Например, в горах овчарке нужно отработать одни навыки, на морском побережье другие.

Наиболее трудное время для охраны горных участков — зима. Бураны, метели и туманы ограничивают видимость, затрудняют ориентирование пограничных нарядов, а снежные обвалы создают для них непредвиденные препятствия. Все это, конечно, требует от пограничников высокого мастерства, максимального напряжения. Всякий раз, попадая в такие условия, я благодарю своего первого учителя за науку и требовательность.

Он задавал нам такие задачи.

Допустим, на одном из горных участков обнаружен след. Рассчитывая на непогоду и глубокий снег, нарушитель перешел государственную границу и стал углубляться в наш тыл. К месту нарушения прибыла тревожная группа. Она устремилась по следу. Продвигаться по снегу очень трудно. След идет по глубокой лощине, то петляет в колючих зарослях, то снова поднимается на гору, то уходит в чащу могучего леса. Но вот след и вовсе пропал: его замела поземка.

Там вдали — граница

Что должен делать инструктор?

«В таких случаях, — учил Николаев, — он должен прийти на помощь собаке. От умения инструктора ориентироваться в обстановке зависит все. Для опытного следопыта не составляет труда оценить местность и определить вероятное направление движения нарушителя».

Учебный участок я знал хорошо, правильно определил вероятный путь движения нарушителя, продолжил поиск и вскоре «задержал» неизвестного.

«Если будете нести службу у моря, инструктору службы собак надо учитывать, — говорил Николаев, — множество раздражителей: запахи моря, большую массу людей. Особенно действует на овчарку сухой песок, он забивает дыхательные органы собаки, снижает темп преследования, сбивает со следа. В таких случаях собаке снова должен помочь инструктор. Если собака утомлена — дай ей отдых, а если нужно, то и воды. Хорошо промыть ей нос от пыли и песка. Это быстро восстанавливает ей силы, и она уверенно продолжает поиск».

Службу на границе инструктору с розыскной собакой приходится нести в различное время суток, в сухую и дождливую погоду. В поле и в населенных пунктах. Поэтому Николаев организовывал тренировки с постепенным усложнением обстановки и учебных задач.

Мы учились четко управлять собакой, добивались от нее безотказной работы по следу.

Как-то позвонили на курсы: «Срочно нужна хорошая собака, чтобы обнаружить бандитов!» Оказывается, наши пограничники возвращались из наряда и их обстреляли националисты.

Я с Джеком прибыл к месту происшествия. Джек активно взял след, мы начали поиск. Командовал операцией майор Приходько.

Двенадцать километров прошел Джек по следу. Вошли в село, собака привела к дому, ничем не выделявшемуся среди других, потом — к сараю.

Мое внимание сразу привлекло пустое блюдо, стоявшее на сенорезке, и шесть ложек в нем. Джек сразу рванулся в левую сторону, где лежало сено. Вдруг в глубине сарая что-то щелкнуло. Только мы успели отскочить — разорвалась граната. Приходько командует:

— Быстро за сарай!

Я кричу:

— Собака же там!

Джек будто услышал нас — и ко мне.

Мы все залегли в кукурузе, наблюдаем. Гляжу — вылезает один бандит из сарая, я выстрелил, тот ткнулся.

Смотрю — другой лезет. Снова выстрелил, ранил бандита. У меня перекося патрона, вижу — раненый бандит целится в меня, да, наверное, не очень мастак он был точно бить — пуля прошла землю, обдав меня пылью.

За углом сарая стоял пограничник, который видел эту перестрелку, и выпустил по бандиту автоматную очередь. Никто из бандитов тогда живым не ушел.

Застава

После окончания курсов служебного собаководства меня направили на пограничную заставу, где начальником был капитан Калинин. Тогда уже мы несли службу по охране границы.

Безлюдье на границе, тишина. Но тишина — беспокойная, хрупкая. В любой миг может раздаться тревога, затрещать автоматные очереди, загреметь разрывы гранат.

Не каждый день и даже не каждый месяц приходится обезвреживать вражеских лазутчиков, но всегда нужно быть готовым к встрече нарушителей.

Жизнь на заставе не замирает круглые сутки. Праздник не праздник, воскресенье не воскресенье, крепкий мороз, снежный буран или песчаная вьюга, а служба продолжается.

На заставе жизнь идет совсем не так, как в обычной войсковой части: нет общего подъема по утрам. Одни — на границе, другие занимаются хозяйственными делами, третьи отдыхают после службы. На боевой расчет выстраивается весь личный состав, объявляются дела на следующие сутки, выделяется тревожная группа. Торжественно звучат слова начальника заставы: «Приказываю выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!»,...

Нет, пограничные войска ни на какие другие не променяю! Бывают и опасности, и трудности... Но здесь-то и проверяются твои способности, можно ли на тебя положиться в трудную минуту, умеешь ли сохранять самообладание в схватке с нарушителем, сильнее ли ты своего врага, умеешь ли организовать свои духовные и физические силы на решение поставленной задачи?

Немало сложных ситуаций было у меня за годы службы на границе, но каждую помню отчетливо, как будто это было вчера.

...На второй день службы на заставе пошел я проверять контрольно-следовую полосу. Идем с Джеком, смотрим внимательно. Вдруг — ухищренный след! Джек взял след, и мы начали преследование. Пройдя четыре километра в глубь нашей территории, я увидел женщину. «Нарушительница», — только подумал, как вдруг в ее руке увидел пистолет.

— Стой! Бросай оружие! — крикнул я и сделал предупредительный выстрел.

Женщина начала отстреливаться. Тогда я пустил Джека. Он сбил ее с ног, и я привел задержанную на заставу.

Она оказалась связной оуновцев и шла на задание.

Успехи в задержании нарушителей сделали меня известным на границе, меня стали посылать на более ответственные дела. Вот одно из них.

Солдат Калбукоз нес службу на посту наблюдения и отметил, что на опушке леса с сопредельной стороны то и дело выходят двое, внимательно глядят на нашу сторону. На вторые сутки после этого наряды обнаружили следы на контрольно-следовой полосе.

К месту нарушения я прибыл с начальником заставы капитаном Бакрыновым. Изучили следы, пришли к выводу, что нарушители прошли след в след.

Пустили собаку. Она повела в лес.

Километра полтора от границы лес пересекала песчаная дорога, там-то мы и увидели, что перешли границу четверо.

Нарушение произошло приблизительно во втором часу ночи. Группа преследования отстала от нас

намного, мы продолжали поиск с комсомольцем Степановым, молодым пограничником, два месяца назад прибывшим на заставу.

Собака вывела к большому населенному пункту на перекресток дорог, где нарушители разошлись в разные стороны: двое пошли в село, двое — к лесу, через вспаханное поле.

Мы начали преследовать тех, кто пошел в лес, надеясь на то, что других в селе задержат дружинники, — все равно им не скрыться.

Километра три пробежали мы со Степановым. Спустились в ложину. Собака повела по ложине к лесистой высотке. Едва добрались до середины склона, как по нам открыли огонь из автоматов. Степанова тяжело ранили. Джек повалился на бок, засучил ногами, я с разбегу упал рядом с ним. Пальцы угодили во что-то горячее, липкое — кровь! Ком в горле не давал дышать. «Ну, гады, теперь не уйдете!» Привычным движением оттянул затвор автомата. Ударил короткой очередью — нарушитель рухнул на землю.

— Один готов!

Но рано было подводить итоги. Второй бандит, отстреливаясь, пустился бежать. Я за ним. Потом решил: «Дай выстрелю с колена!»

Прицелился. Нажал на спусковой крючок.

Скрюченные пальцы врага зарылись в землю...

А те двое, что пошли в село, были уничтожены поисковой группой.

Кто имел собак, тот знает, что такое потерять ее. Это все равно, что потерять хорошего друга. Джека я похоронил неподалеку от заставы, на которой пес честно нес пограничную службу. Он погиб на боевом задании, как солдат.

Способный ученик

С потерей четвероногого друга возникла проблема: где взять новую собаку? Это оказалось непростым делом. Овчарок в то время было мало, никто их во время войны не готовил.

Наконец, на одной из пограничных застав нашли восьмимесячного щенка Аргона. Я начал его тренировать. Щенок был трусливый, добродушный, ласковый, немалых трудов стоило выработать в нем качества, необходимые служебной собаке.

Я усиленно тренировал Аргона, приучал обнаруживать и прорабатывать следы, проложенные на самых различных участках местности, старался не дергать его за поводок без особой надобности, чтобы не сорвать собаку со следа.

Если Аргон терял след, тут же приходил на помощь, производил осмотр и обыск местности по кругу, постепенно увеличивал радиус. Иногда приходилось возвращаться к исходной точке поиска или к отчетливо видимым отпечаткам.

Хорошие результаты дает фляжка с запахом, взятым с вещи нарушителя или с отпечатка следа. Это помогает собаке восстановить «в памяти» искомый запах, обостряет обоняние, но к этому приему я прибегал в самое последнее время. В начале моей работы с Аргоном еще не была известна одорология.

Отработал я с Аргоном общую, специальную тренировку, подготовил его к розыскной службе. Вскоре представился случай посмотреть, насколько эти тренировки были эффективными.

На заставе нас было двое инструкторов службы собак: я с Аргоном и сержант Дуров с розыскной собакой Беком.

Однажды служебная собака Дурова след не взяла. Начальник заставы и говорит:

— Александр Николаевич! Давай твоего Аргона попробуем, может, возьмет?!

Я пустил Аргона. Смотрю, активно взял след и повел. Километра два прошли — Аргон завертелся, заволновался: запутался. Я решил помочь ему, показать, в каком направлении могли пойти нарушители.

Неподалеку рос огромный дуб, и, когда мы дали осветительную ракету (поиск шел ночью), один из пограничников крикнул мне:

— Товарищ младший сержант (я тогда в том звании был), ноги торчат из-под кроны дуба!

Подали нарушителю команду:

— Бросай оружие!

На землю полетели немецкие карабины, потом с дерева слезли сами «герои» происшествия — оуновцы.

Я с этим Аргоном задержал не одного нарушителя, он оказался способным учеником.

Помню такой случай. В комендатуру пришла женщина и попросила помочь найти корову, которая пропала ночью со двора.

К женщине выехала группа во главе с капитаном Кондратьевым. Вошли в эту группу и мы с Аргоном.

Приехали, осмотрели двор, я поставил Аргона на след и начал вести преследование.

Километрах в четырех от дома, в овраге, мы обнаружили зарытую недавно яму. Аргон начал скрести лапами землю, а потом вытащил коровью шкуру.

Неподалеку мы нашли след повозки, запряженной парой лошадей. По колее этой повозки без труда удалось добраться до хаты, в которой было спрятано мясо, и откуда еще не успели скрыться пособники бандитов.

Так была обнаружена еще одна ниточка, связывающая бандитов с теми, кто под страхом смерти снабжал их продовольствием.

А через них добрались и до самих бандитов.

Аргон действует

Ночные пограничные наряды столкнулись с вооруженной группой. Двое нарушителей было убито, а четверо прорвались на нашу территорию. Преследуя их, мы с майором Стекляшкиным оказались в большой деревне. Аргон подошел к колодецу и стал визжать. Мы с майором переглянулись, осмотрели колодец. Вроде все нормально; колодец как колодец, вода в нем, бадья деревянная на срубке, осмотрели все — на срубке грязь. «Откуда же она взялась? — думаю, — рядом с бадьей?»

Стекляшкин вынул из сумки тетрадь, вырвал оттуда несколько листков, мы подожгли их и, горящие, бросили в колодец.

Горящий факел долетел до середины, а потом его сильно потянуло в сторону. Мы поняли, что в колодце схрон.

Бросать гранаты в колодец — бесполезно, мы решили предложить бандитам сдаться:

— А ну вылезай, а то гранату бросим! — скомандовал майор.

Оттуда ни звука.

«Придется выкуривать оуновцев дымом», — сговорились мы.

Взяли осветительные ракеты, пустили туда с десяток. Бандитам, видно, стало тошно, они закричали:

— Опускайте бадью, мы вылезем!

Так всех по одному их оттуда и вытащили.

Однако надо было проверить схрон. Спустились пограничники в колодец, залезли в схрон, а там чего только нет! И боеприпасы, и продукты, и даже портативная пишущая машинка, на которой они печатали листовки против Советской власти и распространяли в населенных пунктах.

Часто обращалась к нам, пограничникам, милиция, чтобы помочь им в поимке грабителей. Бывало, что такие уголовные дела были связаны с нашей оперативной работой.

Колхоз имени С. М. Кирова, что на Львовщине, где до 1953 года ходил главарь банды Соколенко, готовился к посевной кампании.

Соколенко решил сжечь колхозное зерно.

Я в то время был на заставе. Неожиданно позвонил комендант и приказал прибыть в комендатуру.

— В колхозе Кирова сожжено колхозное зерно. Туда выехала группа во главе с капитаном Кондратьевым, срочно присоединяйтесь к ней!

На месте капитан Кондратьев обрисовал обстановку:

— Охраняли амбар с зерном два сторожа, они не спали, как вдруг их и зернохранилище охватило пламя...

Я соображаю: населенные пункты далеко друг от друга, если кто из села выходил, — собака найдет. Не выходил — поджигатели скрываются в другом месте.

Земля вокруг амбара истоптана, залита водой — искать следы тут не имело смысла. Метров сто от амбара в низинке, на пахоте, собака нашла отпечатки ботинок на шипах. Начали вести преследование. Километра два вела собака. Прошли два небольших села, железную дорогу. Вот и широкая, поросшая травой сельская улица. Первый дом, второй... Собака привела к четвертому дому.

— Здесь семья, где детей много, никаких подозрений не вызывает, — сказал Кондратьев.

— Давайте блокировать дом, — ответил я, — собака зря не приведет.

Осмотрели чердаки, сараи. Постучали в дом.

В сенях загремело ведро, кто-то сердито спросил:

— Кто там? Господи, когда это кончится! То фашисты житья не давали, теперь от бандюг покоя нема!

— Открывай, старая, свои! — успокоил ее я.

Километр за километром, и все бегом...

Женщина отперла дверь, впустила нас в хату, где на полу лежало восемь человек детей — мал мала меньше. На койке спал парень побольше. Под койкой — ботиночки стоят. Я взял ботиночек и бужу парня:

— А ну, хлопец, поднимайся! Это твои ботинки?

— Ну, мои!

— Давай обувайся!

Он попытался надеть их — не лезут!

— Нет, это я с сестринными перепутал, наверное, когда на двор ходил...

А тем временем собака притащила откуда-то ботинок и положила передо мной. Я взял ботинок. Мокрый от росы. К подошве свежая земля пристала. И размер точно такой, как у следов на пахоте! А ну-ка, пес, тащи второй ботинок!

— Как же это у вас получается? — спросил я. — Сказали, что из дому не выходили, а ботинки «говорят», что вы только что пришли...

Бабуся ничего не могла ответить, лишь твердила, что легла с вечера и только проснулась, ничего не знает, не ведает.

Кондратьев подсел к ребятам и говорит:

— Лучше признайтесь, кто из вас был у амбара, а то хуже будет!

Ребята переглянулись, испугались, насупились. Видно, что хотят рассказать, да не знают, как подступить к рассказу.

Наконец, старший вытер кулаком слезы и спросил:

— А если мы правду скажем, ничего нам не будет?

— Выкладывайте! А вы, бабуся, не плачьте. Разберемся. Никто вашим хлопчикам зла не желает.

Ребята осмелели. Рассказывали бойко, перебивая друг друга.

Были они на базаре, возвращались лесом. Навстречу им — обвешанный оружием бандит (это и был главарь банды Соколенко). Увел их от дороги в густые заросли и, угрожая оружием, заставил выполнить задание, иначе, говорит, «повешу вас или сожгу братьев и сестер».

Расписку с них взял, что задание его выполнят.

Ребята знали цену каждому хлебному зернышку, знали, что собирали семена по домам, и каждая семья отрывала от себя, надеясь на то, что выправится колхоз, а значит, и они все перестанут голодать. Не соглашались поначалу, но бандит так угрожал, так бил их, что они испугались... Он разрядил четыре патрона, высыпал порох в спичечную коробку, привязал к ней какой-то шнур (оказался бикфордовым) и сказал:

— На вторые сутки вам принесут канистру с бензином, поставят у окна хаты. Возьмете ее ночью, подойдете к амбару, обольете стену бензином и положите коробку с бикфордовым шнуром. А потом прислоните к шнуру огонек от сигарки. Когда шнур зашипит — убегайте!

Ребята так и сделали, И спалили колхозное зерно — бесценное по тем временам богатство.

Ребята, конечно, переживали, что смалодушничали, согласились на этот шаг и просили включить их в поиск бандита.

Мы понимали их: ведь честь воспитывается смолоду. И им надо было победить в себе страх. Тот случай сделал их взрослее. Вероятно, они впервые поняли, что такое ответственность. Однако поймать с их помощью бандита так и не удалось. Приходили они на базар, как и уговаривались с бандитом, только он, видно, не совсем верил парням и на встречу не явился.

Но все равно преступник не избежал народной кары.

Конец «Сокола»

Несмотря на громкую кличку «Сокол», это был отпетый бандит, за которым числилось немало злодеяний. Поймать и обезвредить его считали своим долгом и пограничники, и милиция. Но главарь ловко скрывался.

Долго мы за ним гонялись, пока, наконец, не обнаружили следы в Станиславской области, на хуторе. Район он знал хорошо, вот и подался в те края. А узнали мы об этом вот как.

Колхозный сторож охранял зерно на току, увидел, что кто-то приближается к току, окликнул:

— Стой! Кто идет?

Соколенко выстрелил и ранил сторожа, но тот все-таки дополз до телефона и сообщил в пограничный отряд.

Там сразу поняли, чьих рук это дело.

На операцию послали меня. Я с собакой перешел не одну речку, миновал не один населенный пункт, вел преследование уже восемь часов подряд. Соколенко применял всяческие ухищрения, запутывал след, возвращался обратно. Скажу откровенно: были у меня минуты, когда я мог потерять самообладание, впасть в отчаяние. Но совладал с собой, запретил себе расслабляться. «Что же тогда получится, если я растеряюсь, не помогу собаке найти след, гулять тогда бандиту по земле». И эта мысль подхлестнула меня, я продолжал поиск.

Наконец, овчарка привела меня к сараю. Группа преследования окружила его, замаскировалась. Я открыл дверь, осмотрел помещение. Кругом сено, солома. Выбросил солому на улицу — ничего. Стал выбрасывать сено — под ним схрон.

К схрону вел люк, к которому была привязана веревка. Попробовал открыть люк — не поддается, видимо, с той стороны кто-то держал его.

Крикнул:

— Сдавайся! Вылезай из схрона!

В ответ открыли огонь. Я еле успел отпрянуть.

Когда кончились патроны в автомате, бандит взял пулемет, стал обстреливать весь сарай. Когда и в пулемете кончились патроны, он открыл люк и выскочил с пистолетом.

Несмотря на то, что пограничники хорошо замаскировались, Соколенко ранил майора и солдата. За углом строения стоял пограничник с автоматом, он и уложил бандита.

Когда я вспоминаю эту или подобные ей операции, я думаю о том, что пограничнику, следопыту приходится и в мирные дни сталкиваться с невероятно трудными ситуациями. Враг коварен, хитер, он идет на все. Но пограничник должен быть уверен в своих силах. Я, например, все время проверяю себя на трудностях: справлюсь или не справлюсь, все время критически оцениваю свои способности и возможности. Отсюда, наверное, и появляется уверенность в себе. Уверенность, что враг, если придется встретиться с ним, не пройдет.

Совсем не мелочь!

Для пограничника обязательна честность. Она обязательна, конечно, для каждого советского человека, но на военной службе, и особенно в пограничных войсках, очень важно быть пунктуальным и в большом и в малом деле. Порой за ошибки, за промахи в службе судят меньше, чем за нечестность, потому что в армии все построено на честности: приказы отдаются устно, доклады в основном тоже делаются устно.

Честный человек не может быть трусом, не может быть несправедливым. Когда я думаю об этом, всегда вспоминаю капитана Калинина, очень справедливого человека, обладавшего и чувством меры и подкупающей честностью. Он умел подавить в себе гнев, раздражение, обиду, чтобы поступить в отношении подчиненного справедливо, хотя и строго, — в этом, наверное, и состоит талант командира. Он, капитан Калинин, учил нас правилу: «Схитрил — признайся! Мелкий обман так же неприятен, как и крупный».

За мою службу в погранвойсках у меня было много случаев проверки «на честность», и я горжусь, что выдержал эту проверку.

Однажды я с комсомольцем Хафизовым, смуглым приземистым парнем, проверял контрольно-следовую полосу. Было раннее утро. Впереди бежал Аргон, мы пограничным шагом — за ним. Вдруг пес остановился, принялся. Гляжу — еле заметные маленькие отпечатки следов. «То ли подросток, то ли женщина. И прошли недавно, с полчаса назад», — рассудили мы.

— Хафизов! Доложи на заставу: нарушение границы, иду на преследование, — бросил я.

Ночью прошла гроза, ручьи вздулись, повыходили из берегов, почва в низинах раскисла, сапоги скользят.

Пограничники знают, как они бегают при нарушении границы! Я бежал так, что еле успевал фиксировать: лесная вырубка, песчаная дорога, крутой косогор, луговина. Нарушитель бежал то в тапочках, то в туфельках, то босиком. А тут вот прошел на пятках, потом на носках... Зачем нужно было менять обувь? Надеялся обмануть пограничников?

Я бежал за Аргоном семь километров, не отставая ни на шаг. Он свернул к заболоченной поляне, поросшей непроходимым кустарником, скрылся в нем. Неожиданно тишину пронзил истошный женский крик. Я остановился. Оказывается, Аргон схватил чужака. И вовсе это был не подросток, а симпатичная молодая женщина. Я сначала растерялся, думал, может, Аргон ошибся, может, женщина ягоды в лесу собирала, но команду подал:

— Эй, кто там, подходите ближе!

Молодая женщина с длинными черными косами, в светлой юбке и зеленой кофте подходит ко мне, улыбаясь. В одной руке — бидон, в другой — завернутая в косынку бутылка самогонки.

— Надо же, чуть не удушила меня твоя собака! — говорит панибратски. — Давай, пан, выпьем...

— А ну, шагом марш на заставу! — грозно скомандовал я.

— Как на заставу? Зачем? У меня молоко в бидоне прокиснет, — она передернула плечами, будто ей стало холодно.

На заставе внимательно осмотрели ее бидон и обнаружили в нем двойное дно, а в середине ценные сведения, которые она должна была передать иностранному агенту. К нему-то она и шла на связь.

Семейная традиция

За тревожной напряженной службой время бежало незаметно, да я и не вел ему счет. Жил не временем, а числом обезвреженных бандитов. И вот пришел конец службе: мой год увольнялся в запас. Когда объявили мне это, я в первое мгновение серьезно не осознал происходящего, подумал только об Аргоне. Как же он? Без меня? Только потом представил себе гражданскую спокойную жизнь, и стало как-то не по себе. Я уеду, а друзья мои, товарищи, останутся и будут служить дальше...

Наверное, смятение мое заметил командир и поспешил добавить:

— Если хотите, Александр Николаевич, оставайтесь, на сверхсрочную, мы очень ценим ваши знания и ваш опыт.

— Да... я хочу остаться, — выпалил я и будто тяжелый груз свалил с плеч.

Так я снова начал служить на границе.

Шла первая послевоенная зима. Застава проводила операцию по очищению населенного пункта от бандитов-националистов. Мы взяли в плен двоих. Начальник заставы приказал отконвоировать их в комендатуру. Ехали на санях по морозцу мимо полей и перелесков, иногда приходилось останавливаться: лошади вязли в сугробах.

Показался хуторок. Дорога стала накатаннее. Лошади побежали резвее. Я подумал: «Ну, вот и половина пути позади».

Хуторок в два рубленых дома, окна разрисованы морозцем, дым из труб валит — мирная картина. И только подумалось так — навстречу нам женщина бежит и причитает: «Помогите, люди добрые!».

Я приказал остановиться, соскочил с саней, и к ней.

— В чем дело? — спрашиваю.

— Забежал сейчас бандит, — торопливо начала она, — забрал хлеб, сало, яички, избил меня сильно и убежал.

— Куда?

— Вон в ту хату, — показала она на дом под нависшей крышей, неподалеку от нас. — Говорит, Ястребом его кличут.

Я как только услышал это, обрадовался: ведь мы за этим «Ястребом» давно гонялись, он один остался из банды «Сокола».

— Быстро привязывай к дереву лошадей, — скомандовал я напарнику, — пленных привяжи веревкой к саням — и за мной!

Вошли в дом, где по словам женщины, скрывался Ястреб. Из коридора в комнату вела стеклянная дверь, сквозь нее бандит увидел нас и схватил гранату. Мы выскочили во двор. Граната взорвалась в коридоре, а Ястреб с другой стороны выпрыгнул в окно и побежал к лесу.

Пока определяли, куда бандит мог деться, Ястреб уже был метрах в трехстах от нас. Я поставил пограничникам задачу вернуться к связанным бандитам, а сам побежал за Ястребом.

Бежать по глубокому снегу тяжело, я сбросил полушубок и мчался за Ястребом. Ни о чем не думал в ту пору, только бы не дать ему уйти.

Расстояние между нами быстро сокращалось. Ястреб тоже сбросил с себя одежду, швырнул в сторону

мешок с награбленными продуктами, пытался вытащить из кармана гранату, да так и не успел. Я залег и выстрелил. Ястреб упал.

Подошли товарищи, принесли мой полушубок. Я не мог отдышаться от погони, не мог успокоиться...

За эту операцию меня первого в пограничном округе наградили Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Командование предоставило отпуск на родину.

Десять суток, не считая дороги, — это же целая вечность, казалось мне!

Приехал на станцию Ужовка — ту самую станцию, с которой меня отправляли в армию.

Снега в ту зиму стояли большие, морозы крепкие. Транспорта никакого, а до моей деревни — сорок километров. Пошел пешком — благо пограничная служба сделала легким на ноги, и часов через восемь, уже к ночи, подошел к нашей избе.

Полузамерзшие окна. Сквозь них еще светится огонек керосиновой лампы. Вижу, мать сидит, носки вяжет. Стучу в дверь, слышу:

— Заходите!

Вошел. Стою.

— Здравствуйте, — говорю.

Она оторвала взгляд от вязания, посмотрела на меня.

— Шурик?! Ты ли это?...

— Я, мама.

Братья не отходили от меня все эти десять суток. О чем я им только не рассказывал! И о том, как фашистов на фронте бил, и о том, как охранял границу, и за что дали мне этот отпуск. Может быть, эти рассказы запали им в душу, а только все они по очереди отслужили в пограничных войсках.

Так что пограничные войска — наша семейная традиция.

Школа мужества

Любая военная служба требует колоссального напряжения сил, мужества. Бывают такие ситуации, что и слабый духом человек идет навстречу опасности и побеждает: так диктует обстановка. Потом он привыкает смотреть опасности в лицо, становится мужественным человеком.

Мужественный, смелый — это человек, который в минуты опасности может победить чувство самосохранения во имя цели, во имя общего дела.

Такими мужественными людьми я помню старшину Морозова и рядового Платонова. Их героическая гибель навсегда породила во мне ненависть к врагам.

...Старшина Морозов и рядовой Платонов поехали на мельницу смолоть зерно. Неожиданно из засады на них напали оуновцы. Пограничники отстреливались до последнего патрона. Старшина был убит, Платонов — тяжело ранен. Его схватили, жестоко пытали, а потом поставили к стенке и расстреляли, а тело бросили в колодец.

Только через несколько дней после ликвидации банды мы узнали подробности гибели товарищей и поклялись очистить край от бандитской нечисти.

По точным данным вооруженный бандит скрывался на хуторе.

Пошли на ликвидацию ночью. Командовал отрядом подполковник Копытов.

Дорога к хутору тяжелая: топкая луговина, болота — наверное, поэтому и выбрал его своим укрытием бандит. Аргона я то и дело брал на руки, чтобы сохранить его силы для поиска.

Выбрались из топи, вылили из сапог воду и — «давай», Аргон, ищи!»

Овчарка привела к дому, который мы тут же блокировали. Постучали — ни звука. Постучали громче, в доме зашевелились, отперли засов.

— Есть кто в доме? — спрашиваем.

— Чужих никого нет, приходил кто-то, да мы не отперли...

Ни в доме, ни во дворе никого не было, я направился к чердаку, поднялся по лестнице, пустив впереди Аргона. Обнюхав старые вещи, корыта, связки сена, Аргон устремился в угол, полез прямо под самую крышу, под стреху, принес мне в зубах пучок сена и исчез.

Копытов говорит мне:

— Смотри, Смолин, как бы бандит гранату не бросил.

— Давайте второй пистолет, я полезу за собакой, — сказал я и протиснулся в щель, сделанную Аргоном.

Лез, лез и упал прямо на бандита. Посветил фонарем, гляжу, лежит он вниз лицом, на нем — Аргон.

— А ну, лезь обратно! — скомандовал я и крикнул своим: — Принимайте гостя!

Пока его обыскивали и сопровождали к машине, я осмотрел лежку врага и ничего не нашел, однако мало верилось в то, что у бандита нет оружия. Я позвал Аргона и тот обнаружил пистолет с патронами и гранаты, спрятанные в сене.

Для пограничника очень важно сохранять самообладание в любых ситуациях, в любой обстановке и, конечно, быть выносливым и крепким.

Помню случай рукопашной схватки с врагом, из которой мне удалось выйти победителем.

В конце войны к нам были сброшены диверсанты, развернулась большая операция по их ликвидации. Руководил ею начальник войск округа. Я с розыскной собакой находился при главном штабе.

Местные жители сообщили в штаб, что видели неизвестного, который интересовался, нет ли поблизости пограничников, выспрашивал, как пройти в большой город.

Я с Аргоном прибыл к месту встречи с неизвестным. Следы петляли по мелководью, избегали открытых мест, иногда диверсант бежал, иногда шел широким шагом — на земле были характерные отпечатки его обуви: четкие — носков и еле заметные — каблуков.

Аргон взял след. Группа преследования отстала в лесу, мы вели поиск с комсомольцем Бурдиным.

На перекрестке лесных дорог след вдруг оборвался, как будто его и не было. Аргон, нетерпеливо повизгивая, крутился на месте. Я вернулся к следам, измерил их, определил рост, вес чужака и понял, что тот пытался провести нас: двинулся спиной вперед, запутал след.

След уводил все дальше и дальше от границы, Аргон настойчиво тянул вперед. Пройдено семь-восемь километров, уж на что я человек бывалый и то почувствовал усталость, каково же Бурдину?! Оглянулся — смотрю парень вспотел, тяжело дышит, я крикнул:

— Гляди, чуть правее — колодец...

Едва успели бросить в лицо по пригоршне воды — снова в путь!

Бежали мимо спелой ржи, мимо деревни, в которой недавно я выступал с докладом о бдительности, дальше к большаку. Большак вел к каменному карьеру. Зачем лазутчику карьер? Скорее он будет пробираться к железной дороге или автомобильной магистрали, чтобы легче скрыться от пограничников.

Аргон по большаку не пошел, виновато глядел на меня.

Где же диверсант? К карьеру не прошло ни одной машины, ни одного мотоцикла — не мог же он испариться!

Подбежал Бурдин, тоже вопрошающе смотрит на меня. «Что делать?»

Стараясь не суетиться, попытался разобраться в обстановке, подумать, посмотреть внимательно вокруг. И сразу успокоился: одни камешки в кювете темнее других. Наверное, нарушитель перевернул их, наступая. Значит, здесь он был!

— Так вот какую штуку сыграл он с нами! Смотри, Бурдин, — говорю. — Вернулся наш чужак к проселку. Ищи, Аргон!

Поставил Аргона на след, тот втянул в себя воздух и уверенно потянул вперед.

Сколько еще бежать? Ноги налились свинцом, казалось, уже не бегу, а передвигаю их, сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть из груди. Плечо онемело под тяжестью автомата. «Отдохнуть бы». Усилием воли переборол это желание. А тут Бурдин:

— Товарищ старшина! То-о-ва-а-рищ ста-арши-и-на!

Обернулся. На ходу я дал ему фляжку с водой, тот смочил рот и продолжал бежать.

В конце концов и мои силы были на пределе, во рту непривычная сухость, язык будто распух, не поворачивался, и я боялся, что не смогу подать команду.

«Что он, трехжильный, этот нарушитель?» — подумал я.

Все подсказывало мне, что погоня подходит к концу: окурки он уже бросал, не остерегаясь, — они тут же, у дороги, причем свеженькие, брошенные двадцать — двадцать пять минут назад. Миновали опушку леса, овраг с глинистыми боками и увидели бегущего к хутору человека. Наконец-то!

— Возьмем живым! — еле проговорил я.

Бурдин понял меня.

Тем временем нарушитель, спрятавшись в укрытии, выстрелил из автомата, но не попал.

Через хутор проходила грунтовая дорога, на краю которой росла толстоствольная липа, прячась за нее, диверсант и вел огонь.

Мы с Бурдиным перебежали к дому, спрятались за углом, но вести огонь оттуда было неудобно: высунешься — станешь мишенью для диверсанта.

Ставлю Бурдину задачу перебежать к следующему дому, а сам поддерживаю его огнем. Бурдин благополучно занял новую позицию и пошел на диверсанта. Тот видит: пограничник идет на сближение и бросает прямо в Бурдина гранату. Вижу, не поднялся Бурдин. А диверсант снова бежит к лесу. Я за ним. Во что бы то ни стало решил взять его живым. Между нами несколько шагов! Пускаю Аргона:

— Фас!

Диверсант повернулся, выстрелил в собаку на ходу, но промахнулся; и только овчарка хотела схватить его, как он изловчился и пнул ее в живот.

Я был метрах в пятнадцати от места схватки. Опомившись и увидев меня, бандит прицелился из пистолета, но выстрела не произошло: как выяснилось позже, из-за перекоса патрона. Теперь мы были с ним один на один. То он стукнет меня так, что искры из глаз, то я его... Наконец, он решил покончить и со мной и с собакой одновременно (я не выпускал его из рук), вытащил гранату. Я успел вырвать ее и отбросить в сторону. А тут подоспела тревожная группа, которая и помогла мне его взять живьем.

Потом оказалось, что пробежали мы с Бурдиным за нарушителем двадцать восемь километров.

Скажу откровенно: за годы моей службы не было случая, чтобы нарушитель ушел от меня безнаказанно.

Так что быть пограничником-следопытом — значит быть выносливым, уметь мобилизовать свои силы, особенно в трудном поиске.

Внимательность и активность в поиске

Обстановка на границе изменчива, порой начальнику заставы трудно предугадать, что может произойти через час. Не знаешь, какие коварные действия предпримут враги, поэтому сложно заранее определить порядок действия наряда и каждого пограничника в отдельности. От нас требуется инициатива и активность, умение принять на месте правильное решение, умение выполнить приказ в любой обстановке.

В моей практике был случай, когда я чуть ли не здоровался с нарушителем, а взять его живым сразу не удалось, потому что он оказывался на какое-то время предприимчивее нас.

...Разведывательно-поисковой группой, которой я был придан, командовал офицер Романов, по моему, это было году в сорок шестом, когда проходила подготовка к первым послевоенным выборам в Верховный Совет СССР. Нам передали по радиации приказ: обеспечить спокойную обстановку на выборах в одном из населенных пунктов, в районе которого орудовал главарь банды Дорош.

Во время фашистской оккупации Дорош был начальником полиции на Волыни, занимал важные посты в Сокале и в Раве-Русской, командовал карательным отрядом. За свою преданную службу Гитлеру получил именное оружие и орден. Поймать матерого врага было делом чести каждого пограничника.

Прибыли мы туда заранее, остановились на ночь в сельском Совете. Перед рассветом капитан Романов вышел умыться к речке, протекавшей неподалеку. Только лицо намылил, ему кто-то по спине стучит. Оглянулся — Дорош, ухмыляется.

— Здорово, Романов! Вот где встретились. Много погонялся ты за мной. Могу прикончить тебя здесь, да ты разведчик хороший, жалко. Ну да ведь мы еще с тобой встретимся! — И пошел. Спокойно так пошел к лесу.

Романов вбежал в сельсовет, крикнул:

— В ружье! Только что я с Дорошем здоровался!

Куда сон девался! Мы вскочили с мест — и за ним. Километра три-четыре преследовали, добежали до опушки леса, да только там Дороша уже не нашли. Ускакали они на лошадях. Так в тот раз ему удалось уйти от нас.

Выборы в поселковый Совет прошли в нормальной обстановке, успешно.

Позднее пограничный наряд обнаружил следы на контрольно-следовой полосе. Вроде прошел кабан, но солдаты не были до конца уверены в том, что это так.

Вызвали меня с Аргоном. Я выехал с группой офицера Мельникова.

Тщательно осмотрели следы: глубина их, форма рисунка, расстояние между левыми и правыми отпечатками говорили о том, что это были не следы кабана. Прошел человек с привязанными к подошвам и рукам кабаньими копытами. Как мы узнали об этом?

При ходьбе ноги человека совершают сложные движения, которые можно условно разделить на четыре этапа:

Первый этап — передний толчок, когда вынесенная вперед нога ставится каблук и углубляется задним срезом в грунт. Направление давления при этом — на грунт вниз и вперед.

На втором этапе, — его именуют перекатом, — тяжесть тела переносится на выставленную вперед

ногу, причем с каблука на носок. Носок обуви опускается на грунт и углубляется. Направление давления при этом — сверху вниз.

Третий этап — задний толчок. Вся тяжесть тела на носке, которым человек с силой отталкивается от грунта. Носок углубляется еще больше. Направление давления — на грунт вниз и назад.

И наконец, четвертый этап — мах, когда нога энергично переносится из заднего положения в переднее. При таком механизме образования следа дно его не может быть ровным на мягком грунте. Глубина следа каблука и носка получается гораздо больше, чем в средней части. Но так как задний толчок, то есть толчок носком, всегда сильнее, глубина следа носка наибольшая.

Кроме того, образование следа сопровождается рядом других явлений: при заднем толчке носок обуви часто отодвигает назад пласт спрессованного грунта. Грунт на контрольно-следовой полосе был сухой и рыхлый, он не спрессовался, а отодвинулся в виде небольшой бесформенной кучки.

Я заметил, что, опуская ногу, человек не переставал двигаться вперед: на поверхности контрольно-следовой полосы получалась черта, так называемая «поволока» и никакие ухищрения не могли этого скрыть, даже привязанные копыта! Ведь при ходьбе с ухищрениями процесс образования следа ноги остается прежним. Как бы человек ни шел — спиной ли вперед, боком ли, с кабаньими или лосиными копытами, привязанными к ногам и рукам, — признаки направления его движения остаются, меняется только расположение отдельных признаков, деталей следа. Например, признаки заднего толчка будут видны не в области следа носка, как обычно, а в области каблучной части следа...

О направлении движения нарушителя свидетельствуют и наклон примятой травы в сторону движения и сдвинутые вперед или в сторону движения камни, влажные следы после перехода лужи или через заболоченные участки, наличие на грунте или на траве частиц грязи, следы прыжков через препятствия.

Руководствуясь всеми этими приметам, я и определил, что прошел тогда не кабан, а человек.

Поставил Аргона на след, тот активно взял его. И в километре от линии Государственной границы в кустарнике Аргон обнаружил спрятанные чужаком копыта. Преследовали мы нарушителя двенадцать километров.

Не доходя до населенного пункта километра полтора, неизвестный подумал, что он в безопасности и может передохнуть. Ночью лил дождь, нарушитель вымок и решил подсушиться. Развел костер, развесил рядышком свои вещички: костюм, брюки, расстелил плащ и уснул.

Взяли мы его внезапно, сонным, он даже и не успел выстрелить. Это был наш старый знакомый — Дорош.

Верные боевые друзья

Когда погибают на войне, в бою, с этим хоть и тяжело, но все же миришься, когда теряешь друзей в мирное время — принять, смириться с этим трудно. А мне приходилось терять близких людей уже после войны, когда мы преследовали и уничтожали бандеровские шайки.

Расскажу о Межглотской операции.

В Межглотских хуторах пряталось более сотни оуновцев. Комендант участка майор Колпачников и заместитель по политической части майор Скрипников приняли решение ликвидировать банду.

Нас — пятьдесят человек. Это лучшие пограничники, опытные следопыты, хорошо подготовленные физически, не раз отличавшиеся на занятиях по пограничной и огневой подготовке.

Мы с Аргоном впереди, в головном дозоре.

Глухая, по-летнему душная ночь. Миновали заросшую осокой пойму реки, перешли овраг, по дну которого течет ручей, приблизились к густой гряде кустов. За ними — хутора. Майор Колпачников ставит задачу:

— Обойти с отделением хутор справа и сделать засаду. Перед рассветом — разведка боем! Пустим противника на вас.

Приказы его стараемся выполнить четко, бесшумно.

Отступили к кустарникам, опускаемся к ложине и вдруг — бандиты. Двигутся с хуторов по ложине!

Открываем по ним огонь всеми имеющимися у нас средствами; из пулеметов, автоматов, винтовок...

Но и бандиты сумели рассредоточиться. Завязалась ожесточенная перестрелка. Выбыл из строя пулеметчик рядовой Никишин, три пограничника ранены, я тоже получил легкое ранение.

Услышав выстрелы в той стороне, куда ушел головной дозор, комендант участка поспешил к нам.

А в этот момент наш станковый пулемет, приспособленный на тачанке, умолк. Майор Колпачников бросился к нему, заменил пулеметчика и вновь открыл огонь. Одну атаку отбили. Но, несмотря на потери, противник полез снова. Так мы дрались полтора часа.

В той Межглотской операции мы полностью разгромили банду. Каждый из нас дрался против пятерых и дрался на совесть.

Но победа нам досталась дорогой ценой. У нас тоже были потери: вражеские снайперы пытались вывести из строя офицеров, надеясь на то, что мы дрогнем, растеряемся в бою, но жестоко просчитались. Каждый из нас чувствовал себя уверенно, знал, что товарищ подоспеет к нему на выручку в трудную минуту, и эта всеобщая уверенность создавала коллективный успех.

Похоронили мы погибших с воинскими почестями, поклявшись очистить нашу землю от националистического отребья.

Клятву свою мы сдержали.

Что же касается непосредственно боевых операций или преследования нарушителя, я всегда думаю не о себе, не о своей жизни, а о том, чтобы выполнить задание, о том, что надо оказаться хитрее врага: голову свою под пулю не подставлять — увернуться, а врага обязательно задержать или уничтожить. Наверное, это чувство, «моральная подготовка», что ли, и позволяли мне побеждать в схватках с противником.

Старый след

Я рассказал о некоторых операциях, в которых принимают участие пограничники-следопыты. Теперь мне хочется поделиться с будущими воинами особенностями нашей повседневной службы.

Важное место в ней занимает проверка контрольно-следовой полосы.

Как осмотреть ее, чтобы не пропустить ни одного следа? Разгадать хитроумные замыслы нарушителя? — вот вопросы, которые постоянно волнуют каждого пограничника.

Следопыты знают, что при малейшем ветре лучше всего проверять склоны с подветренной стороны: под кручами следы сохраняются дольше. В темную или пасмурную ночь луч фонаря целесообразнее направлять подальше от себя. То же самое надо делать, когда луна находится за спиной наряда. Если же она светит в лицо, луч фонаря лучше направлять ближе к себе.

Если след говорит о том, что нарушитель вышел на дорогу, на тропу или на другой какой-либо заслеженный участок, то наряд должен тщательно изучить все признаки сохранившихся там следов и сличить их с запомнившимися отпечатками, обнаруженными на контрольно-следовой полосе.

Я говорю об этом потому, что хотя и не часто, но все-таки бывают случаи, когда нарушителю удастся пройти контролируемые средства. И тогда — поиск! Погоня!

Как-то произошло нарушение границы. Надо сказать, что действовал нарушитель умело: местность выбрал болотистую, погода тоже благоприятствовала ему: то шел снег, то дождь — настоящая весенняя погодка.

Наши наряды своевременно обнаружили нарушение границы, но следы чужака затянуло морозцем, и никто из пограничников не мог сказать, сколько прошло времени с момента нарушения, и, значит, не могли сказать, как далеко нарушитель смог уйти.

Я прибыл к месту нарушения из отряда с группой офицеров.

Тщательно изучили отпечатки следов — измерили длину и ширину подошвы, каблука, определили угол шага, выяснили характерные особенности обуви.

Потом я с Аргоном осмотрел местность. Неподдалеку заметил вмятину узкого носка ботинка (наряды-то наши ходят в сапогах!). Пошел по следу, перед глазами все время то носок, то каблук, то помятая по ходу движения нарушителя травка, то сломанная ветка кустарника.

В километре от места нарушения границы мы обнаружили с Аргоном маленький клочок воцеленной бумажки.

Прошли еще километра три. Перед нами — обширный луг с множеством кротовых нор. Одна из них разворочена, похоже нарушитель решил позабавиться, чтобы наследить побольше.

— «В чем дело? — думаю. — Что заставило нарушителя топтаться на месте?».

Со мной было два пограничника, я послал одного к кустарнику и попросил выломать мне палку. Этой палкой я начал разгребать нору и вскоре вынул оттуда иностранные документы, разорванную фотокарточку. Мы взяли эти «трофеи».

В отряде сложили фотокарточку — получился портрет довольно симпатичного мужчины.

Фото мы размножили и через некоторое время в ста семидесяти километрах от линии границы задержали преступника.

В наряде пограничник тщательно просматривает контрольно-следовую полосу. Если увидит след, обязательно изучит его.

На любой заставе соблюдению следового режима уделяется большое внимание.

Установлен строгий порядок: вернулся со службы — докладывай о состоянии контрольно-следовой полосы или сокращенно — КСП!

Каждый день в городке службы солдаты изучают замысловатые следы, проложенные на учебной КСП: перед выходом на службу солдаты несколько минут занимаются следопытством — ведь мастерство приобретается в повседневном труде. На помощь молодым приходят более опытные солдаты.

Мы стараемся получше оборудовать границу. За каждым отделением закреплен определенный участок, налажено соревнование между отделениями за лучшее содержание участка.

Ясно одно — успех в нашем деле является результатом строгого соблюдения следового режима, глубокого знания основ следопытства.

Слагаемые успеха

Великий русский полководец А. В. Суворов говорил: «Воюют не числом, а умением». К пограничникам это высказывание Суворова имеет самое прямое отношение. Какими бы блестящими чертами характера ни обладал человек, но если он не имеет необходимых навыков в службе, не владеет определенной суммой знаний, вряд ли он добьется успехов в боевой и политической подготовке, вряд ли сумеет задержать врага.

Для тех, кто собирается идти служить в пограничные войска, дам несколько практических советов. Думаю, что они будут полезны.

В начале я уже сказал, что без умения читать следы, разгадывать различные ухищрения воин не сможет своевременно обнаружить признаки нарушения границы. Так же хорошо пограничник должен знать необходимые сведения о маскировке действий наряда.

Умелая маскировка в дневное и в ночное время создает у нарушителя иллюзорное представление о том, что ему никто не угрожает на чужой для него территории, а значит, в какой-то степени обезоруживает его.

Маскируются пограничники, не только надевая специальную одежду — маскхалаты, — они умело используют для этого рельеф местности.

Однажды солдаты несли службу на одном из флангов заставы, стараясь двигаться по дозорной тропе как можно скрытнее, и вышли к широкому полю. На опушке остановились.

Прежде чем продолжить движение, они тщательно прослушали местность и... уловили подозрительные шорохи. Еще прислушались. «Пробирается человек», — решили они и сообщили о своих предположениях на заставу.

Вскоре нарушитель границы был задержан.

Если бы воины шли вдоль границы, не соблюдая маскировки, враг первым обнаружил бы их, и боевая задача не была бы выполнена.

Уметь наблюдать, уметь слушать, безошибочно определять источники звука и света — целая наука, которой должен овладеть пограничник. Дело это тонкое. Взять хотя бы прослушивание местности.

Думается, что для этого необходимо правильно выбрать место расположения. Лучше всего у просек и троп, в низинах или на пологом берегу реки. Это обеспечивает ряд удобств для наряда. Улучшается слышимость звуков, легче осматривается местность, кроме того, маскируется передвижение пограничного наряда, повышается его маневренность.

Пограничнику надо уметь хорошо различать звуки: треск сломанной ветки от стука упавшей еловой шишки, крик птицы от подражания ей голосом; всплеск скатившегося в воду камня от всплеска весла; шорохи, издаваемые камышом в ветреную погоду, от шорохов листвы, кустов и деревьев.

На нашем участке Государственной границы много рек, камышей. Камыши слабо проводят звуки: когда идешь сквозь камыши, всплески на реке еле слышны.

Пограничники знают, что в таком случае лучше идти попеременно: во время движения младшего наряда старший, оставаясь на месте, внимательно вслушивается в ночные звуки, затем они меняются ролями.

Прослушивание у камышей — дело непростое.

При ветре камыш издает почти однотонный звук, а если сквозь него пробирается лодка, то слышится

неравномерный глухой шорох. Стоит попасть в камыши человеку, то в этот шорох явственно вплетается слабый треск ломающихся стеблей.

Слушают тишину

По берегам рек часто растут кустарники. Если заметили в них подозрительные движения, то примените простой способ проверки — бросьте камень. Реакция животного, зверя, птицы в таких случаях моментальная.

При наблюдении ночью за зеркалом реки надо запомнить хорошее правило: наблюдать за плывущими по течению предметами до тех пор, пока точно не убедишься в правильности своего заключения.

Молодому пограничнику следует уделить особое внимание работе со следовым фонарем, который лучше всего включать в оврагах, при обследовании кустов и, разумеется, при изучении обнаруженного следа. Причем фонарь надо держать не перед собой, а у бедра, под углом в сорок пять градусов. Такое положение следового фонаря не ослепляет пограничника и дает возможность эффективнее работать на местности. Ночью лучше всего проверять дозорку и берег реки не против луны, а так, чтобы она смотрела в спину пограничника.

Граница не делает скидок на молодость, на неопытность, поэтому воинам следует постоянно повышать свое боевое и служебное мастерство. В этом — основа прочности порученного нам под охрану государственного рубежа.

Конечно, в одной небольшой книжке нельзя рассказать обо всем, что нужно знать пограничнику, да это и не входит в мою задачу, я хотел только познакомить читателя с азами пограничной службы, ее особенностями, приоткрыть некоторые секреты следопытства.

У ворот государства

За тридцатилетнюю службу в пограничных войсках мне довелось не только ходить по дозорным тропам, многие километры преследовать нарушителей, принимать открытый бой с врагом, но и стоять у трапа теплохода или самолета, на железнодорожном вокзале — там, где проходит Государственная граница, требующая чекистской бдительности, высокого мастерства.

Служба на заставе отличается от службы на отдельном контрольно-пропускном пункте. Условия разные, и методы, которые используются там, не похожи на те, которыми пользуется пограничник обычного подразделения. Если, скажем, на дозорной тропе или в лесу, — там, где увидишь признаки нарушения границы, то будешь искать нарушителя. На теплоходе, в вагоне или в самолете действуешь иначе.

За годы моей службы не было случая открытого неповиновения нашим требованиям, но быть готовым к любым эксцессам со стороны задержанных следует всегда.

Враги перед тем, как проникнуть в нашу страну, проходят специальную подготовку, в их учебе нет шаблона, они пытаются перехитрить нас, потому и надо держать «ухо востро». Малейшую промашку используют, в любую лазейку пролезут.

Помню случай в одном из наших южных портов.

Готовился к отплытию пассажирский теплоход.

Стояла ненастная погода. Судно тонуло в тумане. Это для нас создавало определенные трудности.

Сквозь пелену тумана видно было, как на причал, где стояла группа людей, спустили грузовую корзину. Почувствовав недоброе, я предупредил напарника, а сам быстро направился к группе. Люди плотным кольцом окружили корзину, в которую устраивалась женщина, чтобы перебраться на судно.

Нарушительницу и ее помощников пришлось задержать.

Всякие ухищрения придумывают нарушители границы: и простые, как этот вот случай с женщиной, и посложнее.

У причала сверкает белизной готовый к отплытию теплоход. Разноязыкая речь, пестрая одежда, громкая музыка — у всех приподнятое настроение. На борт непрерывающимся потоком идут люди. За ними направилась и таможенники. Подошла, стало быть, и наша очередь. Внимательно осмотрели нижнюю палубу, приступили к осмотру средней... В первой каюте «люкс» шумно разговаривали два пассажира. Постучали. Вошли, вежливо представились:

— Пограничный наряд.

Нам также вежливо ответили:

— Очень рады. Милости просим к нашему столу. У нас, слава богу, и выпить, и закусить есть что, — на украинском языке пригласил нас элегантно одетый пассажир. Он был чрезмерно услужлив и суетлив — на это-то мы и обратили внимание.

— Очень рады, — продолжал он. — А мы вот из Азии домой возвращаемся, как сказал поэт: «И дым Отечества нам сладок и приятен».

Я все слушал, поглядывая по сторонам, и улыбался: все-таки надо было соблюдать этикет с этими господами-иностранцами.

А словоохотливый джентльмен рассказывал свою биографию: и кто отец, и кто мать, и кто дети...

Между прочим, бежал из России после революции.

— Курите? — спросил он. — Курите! — и протянул сигареты.

Мы вежливо отказались и продолжали осматривать помещение. Туалет. Ванная. Вешалка с одеждой. Нечаянно кто-то из нас задел за рукав халата, который показался неестественно широким и плотным. Глянул — а там спрятан сверток с антисоветскими изданиями.

Вот на какие ухищрения идут порой словоохотливые, внешне добропорядочные «соотечественники» ради того, чтобы сделать свое черное дело.

Припоминается еще один случай в порту.

Была в самом разгаре посадка туристов, отправлявшихся за границу. Пассажиры осаждали контролеров, проверявших документы у трапа, только один держался особняком, чего-то выжидая. Толпа обступила контролера, а мужчина, стоявший в стороне, прошмыгнув за спиной пограничника, спокойно направился по трапу.

— Ваши документы! — догнал и остановил его контролер.

— Я иду к родственнику, — ответил тот, нисколько не смутившись. — Он коком здесь плавает.

Уточнили у администрации теплохода. Оказалось, никакого родственника у мужчины на судне нет, Вызвали тревожную группу, задержали «родственника».

Граница хороший барометр. Она всегда отражала «погоду» отношений между странами.

Пограничники первыми почувствовали напряженность на западных рубежах накануне Великой Отечественной войны. Они первыми и приняли удары врага. В послевоенное время им пришлось очищать приграничные районы от националистических банд, которые финансировались и снабжались оружием из-за рубежа.

Сейчас на границе деловая атмосфера. Через контрольно-пропускные пункты потоком идут легковые и грузовые машины, автофургоны и авторефрижераторы.

Однако не все так просто на границе, как может показаться, идеологическая борьба между капитализмом и социализмом не утихает, поэтому-то мы, пограничники, начеку.

На КПП прибыл микроавтобус «Фольксваген» с двумя туристами. Как обычно, к ним подошли пограничники: «Приветствуем вас на территории Союза Советских Социалистических Республик,... Просим предъявить документы».

Пока документы внимательно изучались, сотрудники таможни осматривали машину. Пассажиры микроавтобуса, их действия, выражение лица — тоже в поле зрения пограничников. Чуть что — они приходят на помощь.

Так вот, осматривая багажник, укрепленный на крыше микроавтобуса, сотрудник таможни как-то особенно внимательно и долго рассматривал шурупы, ввинченные в верхнюю крышку. Пограничный наряд в составе капитана М. А. Беляева и сержанта О. А. Реута включился в досмотр. Да, действительно пять шурупов были беспорядочно вкручены в верхнюю крышку. Отвинтили их, и на крыше образовалась щель, через которую пограничники увидели книги. Много книг. Отогнали автомобиль в сторону, чтобы не мешать осмотру остальных машин. Когда сняли торцевые планки крышек ящика и днища, то обнаружили в днище 12, а в крышках по 6 ниш.

Подобные ниши были оборудованы и внутри автобуса. В них-то «автотуристы» и пытались провезти антисоветскую литературу, книжечки религиозно-сектантского содержания.

Служители культа зарубежных стран в последнее время пытаются незаконно провозить к нам всевозможную свою «продукцию»: открытки, альбомы, брошюры, магнитофонные записи религиозных и пошлых песенок, книги религиозного и антисоветского содержания, издающиеся в Лондоне, Оттаве, Стокгольме. «Рабочие тетради» по божественному воспитанию детей, адреса служителей культа и верующих — на Западе и в нашей стране. Везут такую литературу не только тайно, а и в открытую. Мне рассказывали, как изъяли однажды у зарубежного туриста антисоветскую пачкотню, лежавшую на столике в купе. Он считал, вероятно: «Увидят пограничники, заберут и ничего мне не будет. А найдут спрятанной — можно нажать большие неприятности».

Мы, пограничники, только удивляемся: неужели всерьез можно надеяться противопоставить весь религиозный хлам марксистскому мировоззрению советских людей? Неужели всерьез можно верить в успех всех этих предприятий?!

На контрольно-пропускных пунктах пограничникам приходится встречаться не только с ярыми антисоветчиками, но и с прожженными контрабандистами.

...Напряженный поток машин на международном шоссе спадает только к вечеру. Тогда и пограничным нарядам, несущим службу на КПП, есть возможность передохнуть. Но ненадолго.

К современному — из стекла и бетона — зданию КПП подъехал авторефрижератор. Пограничный наряд, приветствуя экипаж на территории Советского Союза, просит предъявить документы. Подходит сотрудник таможни:

— Везете что-нибудь недозволенное?...

Всю эту процедуру я хорошо знаю. Знаю и что ответит шофер этого рефрижератора, розовощекий парень с черными вьющимися волосами. Я стою в некотором отдалении от рефрижератора. Смотрю. Наблюдаю. Наше с напарником время еще не пришло. Овчарка напарника Амур тут же рядом с нами. Наконец, до нас долетело:

— Нет ничего недозволенного. Везу фрукты. Только фрукты.

Мы трогаемся с места. Медленно обходим машину. Справа по ходу движения борт выкрашен светлее, чем вся машина. Может быть, ремонт после небольшой аварии? Амур тоже заволновался. Продолжаем осмотр, но какое-то время фортуна не улыбается нам.

Еще раз обошел машину. Какое-то чутье, беспокойное поведение Амуре не позволяли мне отойти от машины. Мы продолжали искать. Наконец, заметили, что передняя стенка рефрижератора отличается от боковых. Подлез, осмотрел ее снизу.

— Что там у вас? — спросил водителя.

Тот неопределенно пожал плечами.

Пришлось отвинчивать болты и открыть тайник. В нем оказались контрабандные товары.

Хорошо помню одного туриста, который только и занимался контрабандными сделками. Сам-то он был пешкой в руках бизнесменов и только выполнял их задания. Когда увидел его — он прибыл к нам на теплоходе, — лицо показалось знакомым. Пытался вспомнить где, когда мы могли видеться? И не мог, а взял его документы, и сразу все прояснилось.

За короткий промежуток времени человек этот несколько раз пересекал границу. Это обстоятельство насторожило меня, я просил сотрудников таможни осмотреть его одежду более тщательно. Из карманов

брюк, специально сшитых для перевозки контрабанды, извлекли золотые монеты, цепочки из золота высшей пробы. А под стельками полуботинок оказались два письма в целлофановых конвертах. В них сообщалось, сколько выручено от продажи ковров ручной работы, какая часть из этой суммы израсходована на переезд связного и на другие цели.

Участки нашей сухопутной границы надежно закрыты, а вот на контрольно-пропускных пунктах мы открываем ворота страны для иностранных туристов.

К сожалению, под видом туристов маскируются частенько люди, стремящиеся проникнуть к нам для подрывных действий, сбора секретной информации. Для того, чтобы добывать и вывозить советскую валюту. Да мало ли еще какие задания дают таким вот «туристам» их хозяева!

Те, кто ездил за рубеж, знают, как волнуются иностранцы при приближении к КПП; это первая остановка на советской территории. Здесь их, так же как у трапа парохода или на контрольно-пропускных пунктах, расположенных на международных шоссе, встречают советские пограничники. Здесь начинается Союз Советских Социалистических Республик. Здесь проходит проверка документов, таможенный досмотр.

Всегда собранны здесь и пограничники: никогда не знаешь, какой сюрприз приготовили так называемые гости из числа тех, кто прячет истинные лица под маской скучающего туриста.

Помню, осматривали мы с напарником пассажирский поезд. Шли от последнего к головному загону. Работали споро, уверенно.

У одного купе увидели выразительно поглядывавшего на нас таможенника и задержались.

— Вот, предлагают выпить, — сказал сотрудник таможни, — по случаю дня рождения, да только я давно уже не пью, к сожалению. — И пошел в следующее купе, бросив нам:

— А вы работайте, работайте, товарищи.

Я оглядел купе. Двухместное. На полках — черные кожаные чемоданы, бутылки с заморскими винами. Стоят бутылки и на столе, и под столом. При виде нас иностранец еще больше засуетился:

— Милости просим, присаживайтесь. Отведайте...

Я сказал напарнику:

— Начинай! — и начал искать.

Диванная подушка, чехол. Так... Извлек из шерстяной ваты целлофановый мешочек с золотыми вещами. Увидев все это, иностранец ошалело посмотрел на нас:

— Я это в первый раз вижу, это не мое. Честное слово, не мое.

— Пройдемте с нами, там выясним, чье, — твердо сказал я.

Хорошо запомнилась мне одна супружеская пара, внешне производившая вполне добропорядочное впечатление. Посмотришь на этих немолодых уже людей и никогда не подумаешь, что способны на грязные дела. Во всяком случае, так казалось мне, когда я проверял их документы. На столе в купе у них лежал семейный альбом. Машинально потянулся к нему, перелистал несколько страниц и под нижней обложкой обнаружил скрытый карман. Там оказалась валюта.

И еще случай.

На перроне вокзала встречали международный поезд. Как обычно, пограничники, таможенные и железнодорожные служащие в это время очень заняты. А я приехал в короткую командировку и собрался домой. Иду по перрону, по привычке, выработанной годами, вглядываюсь в окна вагонов.

Всякие лица смотрели на меня: и пожилые, и молодые, и кокетливые, и не очень. И вдруг я чуть не споткнулся, остановился: меня из-под черного платка, словно буравчики, сверлили маленькие глазки-щелочки. Монахиня. Смотрит настороженно. Я пошел было дальше, но вернулся к тому вагону, разыскал пограничный наряд и попросил старшего обратить внимание на святое семейство.

— Вошли в купе:

— Пограничный наряд... Просим предъявить документы.

Старшая монахиня вздрогнула, побелела и тотчас схватилась за сумочку.

Так себя и выдала.

...Международный аэропорт. Через несколько минут прилетают и улетают отсюда самолеты.

Летное поле в чаще, окруженной зелеными горами. Много света, солнца. В такую бы погоду да на берег Тиссы. А мы в полной пограничной форме и ждем «своего» самолета.

Послышался шум мотора. Поднимаем голову и следим за тем, как серебристая птица плавно касается посадочной полосы. Вот уже подгоняют трап, открывается дверца самолета и первые пассажиры появляются на ступеньках трапа.

Подходим к пассажирам. Начинается рядовая ежедневная работа.

Пограничникам, несущим службу на контрольно-пропускных пунктах, нужно хорошо знать устройство автомобиля, судна или самолета, чтобы уметь профессионально осмотреть их. Конечно, и здесь нам очень помогают опыт наблюдательности и смекалки.

У нас не принято скрывать в себе секреты мастерства. Все, что я приобрел за годы службы в войсках, чему научили меня командиры, я передаю своим ученикам.

Напутствие

Рассказывая о своей службе, я старался подчеркнуть основные качества, которыми должен обладать пограничник.

Люди приходят к нам сформировавшиеся, со своими индивидуальными качествами характера. Но ко всем есть одно требование. Речь идет о том, чтобы все воины воспитывали в себе, сознательно вырабатывали такие черты, как преданность воинскому долгу, мужество, честность, отвага.

Эти качества воспитываются, шлифуются в процессе воинской учебы, службы, их прививают воину командиры.

И вообще перед тем, как решить, кем ты хочешь стать в жизни, какую профессию избрать, проверь себя по всем статьям духовных и физических качеств.

Конечно, идеально, если ты имеешь твердый характер, если ты верен избранному пути. Менять профессию — значит отстать от своих сверстников, а догонять всегда труднее. Поэтому решай сразу — на всю жизнь.

Я считаю, что в свое время правильно решил остаться на сверхсрочную службу в пограничных войсках. Эта служба помогла мне найти себя, проявить свои способности и стать тем, кем я есть.

В юности тянет к романтической профессии, к подвигу. Поиски увлекательного своего пути в жизни — все это закономерные оправданные желания. Однако суть исканий, по-моему, не только в дальних дорогах и тяжелых рюкзаках, и если взять крылатую горьковскую фразу о том, что «в жизни всегда есть место подвигу», то в повседневности победить в себе лень, малодушие, расхлябанность тоже немалый подвиг.

Главное, каким бы делом в жизни ты ни занимался — стремись быть полезным человеком для общества, Родины.

Приветствую желания тех юношей, которые хотят стать офицерами, посвятить всю свою жизнь службе в Вооруженных Силах СССР. Профессия военного очень почетна, но и ответственна. Она требует проявления самых лучших человеческих качеств и глубоких знаний.

Мне хотелось бы сказать тем, кто идет в пограничное училище или намерен служить прапорщиком, кто сменит нас на боевом посту: служите своей Родине верно и честно; овладевайте воинскими знаниями, пограничным мастерством; закаляйте себя физически. Будьте инициативными и смекалистыми, умеете принять правильное решение и оперативно действовать в поиске; не проявляйте растерянности при встрече с врагом, убедите себя в том, что вы сильнее его, потому что вы на своей земле и потому что вы стоите за правое дело — защищаете свою Родину.

За многолетнюю службу в пограничных войсках в меру своих сил я помог овладеть пограничным мастерством многим молодым воинам, вырастил своих учеников. Канафьев, Шахрай, Балужас — теперь уже известные в войсках следопыты, награжденные правительственными наградами, сами учат молодежь.

Жизнь продолжается. На смену нам приходят молодые грамотные воины. Уверен — они не подведут!

Это только начало пути

Часто приходится мне бывать в среднеобразовательных школах Киева, Львова, Москвы и других городов, выступать с рассказами о пограничниках.

Я вижу, как загораются ребята глаза, когда они слышат о многообразной напряженной жизни границы и о мужестве пограничников, преследующих нарушителей. Никто не остается равнодушным к таким рассказам, у многих юношей проявляется желание служить в пограничных войсках. Подходят обычно ко мне после встречи, спрашивают — всех ли берут, можно ли надеяться, что их призовут именно в пограничные войска.

Конечно, служить в наших войсках может не каждый, а только тот, кто имеет на это соответствующие данные: хорошие характеристики с места работы, из школы. С другой стороны, сама наша служба физически, идейно воспитывает юношей, закаляет их волю, формирует характер. Недаром говорят, что армия — хорошая школа.

К нам приходят обычные парни из городов и сел, но, разумеется, еще «необкатанные». Ежедневные тренировки, выходы в наряды выковывают из них настоящих бойцов.

Известен на границе ефрейтор В. Коростыченко, делегат XVII съезда ВЛКСМ. За короткое время он овладел секретами пограничной службы, стал мастером своего дела и отличился при задержании группы нарушителей. В успехах, которых добиваются воины границы, я вижу огромный труд не только командиров и политработников, но и их верных помощников — прапорщиков.

Вместе с офицерами они отдают весь жар своих сердец, все свои знания и опыт благородному делу воспитания и обучения пограничников.

Хочется вспомнить моего друга, боевого побратима — прапорщика Варлама Кублашвили, человека, о котором ходят легенды. У нас, на западной границе, его называют «грозою контрабандистов». Служит он на отдельном контрольно-пропускном пункте. Он не только знает тонкости своей профессии контролера-пограничника, он обладает редким даром психологического проникновения: глянет на человека, и как будто рентгеновским лучом просветит — знает, с честными намерениями переезжает тот границу или везет контрабанду.

Всех нас Варлам восхищает своим мастерством. На его счету десятки задержанных нарушителей границы, на сотни тысяч рублей изъятой контрабанды, многочисленные случаи разоблачения идеологических диверсантов.

Мастерство, мужество прапорщика Кублашвили отмечены многими правительственными наградами, в том числе орденом Октябрьской Революции.

В войсках нашего Краснознаменного ордена Трудового Красного Знамени БССР Западного пограничного округа хорошо знают старшину заставы имени Героя Советского Союза Федора Морина — прапорщика Петра Фомича Умнова. Это не только ревностный хозяйственник, но прежде всего умелый организатор пограничной службы, дельный командир, воспитатель. Начальник заставы считает его своей надежной опорой. Умнов — секретарь первичной партийной организации, с партийных позиций подходит к решению вопросов повышения боеготовности подразделения, укрепления воинской дисциплины. Застава в течение многих лет является отличной.

Прапорщик Умнов личным примером увлекает пограничников на ратные дела. Его самоотверженная служба высоко оценена Советским правительством. Не так давно он награжден орденом Красной Звезды.

Да разве перечислить всех, кто формирует молодого воина-пограничника, обучает его не только успешно проводить поединки с нарушителями, но и при попытке вооруженного вторжения на территорию страны надежно защищать границу в любом пункте!

Их много, этих скромных героев, ими славятся наши пограничные войска. И я счастлив, что принадлежу к этой армии.

По-моему, все пограничники гордятся своей службой, дорожат честью носить зеленую фуражку. Отслужив, уходят в запас, а граница остается в сердце каждого. Дружба, рожденная на границе, — на всю жизнь.

Сейчас известны целые отряды пограничников, вместе уехавших на всесоюзные ударные стройки.

Зеленые пограничные фуражки можно увидеть на Красноярском алюминиевом заводе, на нефтепромыслах Тюменской области, на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Это — идейные, надежные люди. Уверен, они и здесь не подведут.

По сигналу тревоги

Привязанность к границе — чувство, переживаемое не только нами, мужчинами, служащими в войсках. Вместе с нами «служат» и наши жены, наши дети. Сколько им приходится не досыпать ночей, когда мы вовремя не возвращаемся со службы... А вот уходят офицеры на пенсию, увозят свои семьи в большие города, и нашим женам, оказывается, не хватает тех тревожных ночей, той дружной атмосферы, взаимной поддержки, которую они ощущали, живя на заставе...

Многое теперь изменилось на границе. Конечно, вы не найдете сейчас заставу, размещившуюся в землянке или в блиндаже. Светлые современные типовые здания, удобные комнаты отдыха, столовые, помещения для занятий ждут новобранцев на границе.

Для охраны границы есть и быстроходные корабли и катера, самолеты и вертолеты, вездеходы и аэросани, радиолокационные станции и прожекторные установки, современные средства связи и наблюдения и многое другое. Техника помогает пограничникам, но она не может заменить идейной закалки, воинского мастерства, умения ориентироваться в обстановке, искусства маскировки и наблюдения, физической выносливости. И, конечно, воины должны в совершенстве владеть следопытством — умением расшифровать любой след на границе, распознать малейшие признаки ее

нарушения. Вот тут-то нам незаменимую помощь и оказывает четвероногий друг — служебная собака.

Могу уверенно сказать: границы наши на крепком замке. Но это не значит, что мы должны успокоиться, перестать заботиться о повышении своей военной и специальной подготовки.

Лейтенантские погоны

Военные знания приобретаются в учебном подразделении в процессе службы, а если выберешь для себя воинскую службу на всю жизнь — в военном училище.

Мне, к сожалению, не пришлось стать офицером, я не кончил военного училища: война, оперативные задания, а потом уж и возраст не дал мне возможности поступить в Московское пограничное командное Краснознаменное училище. Но сама служба на границе явилась для меня настоящим университетом.

Большинство наших военных учебных заведений, в том числе и пограничные, являются высшими. Выпускникам не только присваивают звание «лейтенант», но и вручают дипломы о высшем образовании.

Прослужив тридцать с лишним лет в войсках, знаю, что особенностью знаний военного человека является то, что он должен применять их безошибочно, быстро, находить правильные решения при неожиданно возникших ситуациях.

На границе абсолютно нетерпимы равнодушие, беспечность, безынициативность, пассивная регистрация фактов.

Бдительность и служебное мастерство — профессиональные качества пограничника. Зоркость, настороженность, постоянная готовность к стремительным грамотным действиям, когда на заставе прозвучит сигнал тревоги; умение по незначительным признакам определить, где прошел или готовится пройти нарушитель, — эти качества вошли в плоть и кровь пограничника, иначе он не обеспечил бы неприкосновенность границ Родины, не справился бы со своей задачей защитника социалистических завоеваний.

На границе всегда напряженная атмосфера, которая постоянно обязывает воина быть начеку.

Ежедневно в наряд пограничник уходит, вооруженный автоматом. С одной стороны, он один на один с границей, где не исключены случайности. С другой стороны, находясь на службе, пограничник всегда связан с заставой, с товарищами, он чувствует поддержку всей страны. И потому он ведет себя героически. Так совсем недавно вступили в схватку с нарушителем рядовые Валерий Кузнецов и Владимир Козлитин. Их бдительность и пограничное мастерство помогли выйти победителями из схватки.

Конечно, на войне ситуации сложнее и неожиданнее, чем они складываются порой на границе. Учиться мгновенно мобилизовываться, использовать свои знания и опыт вы можете в военных училищах. Общеобразовательный курс высших военных училищ ничем не отличается от программы институтов сходных профессий.

На старших курсах, где начинается специализация, основное внимание уделяется специальным предметам, боевому применению техники и оружия.

Еще одной особенностью пребывания в училищах является то, что там обучают курсантов практическим навыкам, ведь выпускник училища порой сразу после выпуска может оказаться в таких условиях, когда ему придется решать все самостоятельно.

Поэтому все практические занятия проходят в условиях, близких к боевым.

На полевых учениях и маневрах работы много: то марш-броски, то стремительные атаки.

Трудно, конечно, это. Но иначе нельзя. Весь смысл военной службы заключается в способности быть всегда готовым к любым неожиданностям и находить решение мгновенно.

Военный человек, как правило, отлично владеет техникой и оружием, находящимися в его

распоряжении, знает особенности действий солдат в создавшихся условиях. Но не только это. В бою он будет действовать с воинами других родов войск, значит, он должен знать возможности поддерживающих его средств. Иначе нельзя: можно опоздать с выполнением боевой задачи.

Сейчас в наших Вооруженных Силах — самая совершенная техника. Возросла и вооруженность пограничных войск. Теперь никто не увидит на пограничных заставах знаменитые «трехлинейки». Новейшее оружие, современные приборы, машины самого разного назначения — вот что имеет в своем распоряжении пограничник.

Техника сама по себе мертва. Она послушна только рукам умелого специалиста. Поэтому одна из важных задач будущего офицера-пограничника — мастерски овладеть оружием и боевой техникой.

Но для современного боя и этого мало. Нужна взаимозаменяемость. Скажем, вышел из строя водитель бронетранспортера или стрелок. Кто поведет машину, кто займет место у пулемета?

Взаимозаменяемость укрепляет уверенность, оттачивает бдительность, помогает находить выход из самых трудных ситуаций.

Воины должны научиться переносить все лишения и невзгоды, которые могут возникнуть в боевой обстановке. Сейчас учатся уже дети людей, родившихся после войны. Вот уже тридцать лет мы живем в условиях мира. За это и отдали свои жизни в боях с ненавистным врагом — фашизмом миллионы советских людей. Мы никому не угрожаем. Мы строим коммунизм — светлое будущее всего человечества. Быть на страже мирного труда своего народа — наш священный долг.

В письме Генерального секретаря Коммунистической партии Л. И. Брежнева прапорщику Ю. Прокофьеву, опубликованном в газетах, ясно выражена эта почетная задача.

«Коммунистическая партия, ее Центральный комитет последовательно проводят в жизнь внешнеполитический курс, осуществляют действенные меры, направленные на разрядку международной напряженности, на осуществление Программы мира, разработанной XXIV съездом КПСС. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что силы войны и реакции, силы агрессии и милитаризма не обезврежены, не сложили оружия. Вот почему так велико значение повседневного ратного труда наших воинов, их настойчивой учебы, упорного овладения первоклассной техникой, обеспечение высокой бдительности».

Эти слова в полной мере относятся и к нам, часовым границы.

Итак, согласно предписанию, отбудете вы к месту назначения, представитесь своему командиру, побеседует он с вами, и приступите вы к исполнению своих служебных обязанностей.

Постепенно войдете в курс дела, поймете, что все ваши тревожения и выпускные экзамены, и ожидание назначения — только начало всех начал.

Главное начинается сейчас. И не перед приемной комиссией вы держите экзамен, а перед своими подчиненными, среди которых есть и ваши ровесники, и люди постарше, вроде меня, — перед всеми военачальниками, перед жизнью, перед самим собой. Здесь уж речь пойдет о ваших человеческих качествах, о больших и малых победах. Вы — на глазах, на вас смотрят подчиненные. А нет суда строже, чем их суд. Они оценят все достоинства и недостатки вашего характера, определят ваши знания, обсудят между собой ваши привычки. Так что государственный экзамен привыкайте держать всю жизнь, пока служите.

Конечно, непросто это. Могут быть и промахи, и ошибки — не бойтесь! Важно только вовремя их обнаружить и устранить.

Мне хотелось бы обратить ваше внимание на работу с сержантами, старшинами, прапорщиками — это люди, ценные для нашей армии. Постарайтесь найти правильный тон с ними, не считайте зазорным

спросить у них непонятное, перенять практические навыки.

Сумеете наладить контакт — и дела у вас наверняка пойдут успешно.

По себе знаю: сержанты и старшины — первая опора офицера.

Моя беседа, думается, была бы неполной, если б я упустил и другой, не менее важный момент в жизни молодого офицера.

Вы окончили высшее пограничное командное училище. Сданы государственные экзамены. Получено назначение. В канцелярии готовят для вас все необходимые документы, начальник финчасти подписывает расчетную ведомость, а председатель Государственной экзаменационной комиссии — диплом.

И вот наступает торжественная минута. Выносят знамя училища, зачитывают приказ о присвоении офицерского звания бывшим курсантам... Клятва верности делу великого Ленина.

Представляю, с каким нетерпением вы будете ожидать, когда назовут вашу фамилию.

Обычно списки выпускников составляют по алфавиту. Но вначале называют имена отличившихся в учебе. Хорошо, если вы окажетесь в их числе.

...И вот еще одно построение, уже не очень торжественное — чтение приказа о назначении.

А затем — и это вполне естественно — будете носиться по городу в поисках нужных и ненужных вещей. А если вы уже не один, а с девушкой или молодой женой, то количество этих вещей увеличится вдвое.

Кстати, очень важно, как отнесется подруга к вашему назначению, ведь жизнь на границе, вдали от больших городов, где порой и на работу-то устроиться негде, совсем не проста. Не каждая выдерживает такие испытания, а от прочности ваших отношений будет зависеть, как пойдет у вас служба. Так что и здесь надо выбирать наверняка!

Заклучение

Служить Родине. Что это значит?

Я понимаю это так: быть до конца верным присяге, в минуту опасности защитить свою землю, а если потребуется, и отдать жизнь за нее.

Это значит: воспринять заветы отцов, штурмовавших Зимний, победивших в гражданскую и Великую Отечественную войнах. Пронести через всю жизнь пламень их сердец, их преданность, мужество и честь.

Страна наша, Родина наша, мужает год от года.

Успешно претворяются в жизнь грандиозные планы строительства коммунизма. С каждым годом богаче и краше становится наша земля. Это воодушевляет нас, воинов, на достижение новых успехов в боевой и политической подготовке, на борьбу за дальнейшее укрепление наших Вооруженных Сил.

И еще хочу подчеркнуть особую важность воинской бдительности.

Пограничник и бдительность — понятия, стоящие всегда рядом, они нерасторжимы.

Действия нарушителей год от года становятся изощреннее и коварнее. Об этом пограничник всегда должен помнить. Он должен знать направленность подрывных действий противника, подмечать изменения в его тактике, наиболее типичные его ухищрения, чтобы противопоставить врагу свою смекалку, находчивость, более совершенную технику и во что бы то ни стало пресечь его коварные замыслы.

Бдительность немислима без чувства ответственности за неприкосновенность наших государственных рубежей. Поэтому ее у нас часто называют «чувством границы».

Надо, чтобы и у будущего пограничника никогда не притуплялось это чувство. С ним не застанет врасплох никакой враг.

Советским воинам доверено самое дорогое, что есть в жизни, — защита завоеваний социализма, своего народа, своего Отечества. Быть достойным этого высокого призвания — высокая честь. Будем всегда достойны этого призвания, и Родина отблагодарит нас.

Недавно Указом Президиума Верховного Совета СССР утверждены ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» трех степеней и медали «За отличие в воинской службе» двух степеней — это новое свидетельство заботы партии и правительства о нас, воинах, на которую мы ответим новыми успехами в службе на благо матери-Родине.

Об авторе

Имя прославленного следопыта Александра Николаевича Смолина широко известно в стране. О его мужестве, боевом мастерстве рассказывается в трилогии А. Авдеенко «Над Тиссой» и в одноименном кинофильме, где А. Н. Смолин явился прототипом главного героя Смолярчука.

169 нарушителей Государственной границы задержал отважный пограничник. Не раз ему приходилось вступать в схватки с матерыми агентами империалистических разведок. Беспредельная преданность Родине, партии, народу, самоотверженность помогли Александру Николаевичу выйти победителем из этих поединков.

Подвиги знатного следопыта отмечены 17-ю правительственными наградами. Из них — ордена Ленина, Красной Звезды и две медали «За боевые заслуги» получены в мирные дни, две медали «За отличие в охране государственной границы СССР» и другие.

Сейчас прапорщик Смолин отдает много сил воспитанию следопытов — инструкторов службы собак.

Служба на границе стала для Александра Николаевича Смолина делом всей его жизни.

В этой книге он делится с читателем мыслями о своей службе, о боевых друзьях, о схватках с коварным врагом.